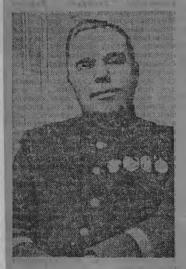
8 февраля 1944 года в Моснве состоялся IX пленум правления Союза советских писателей. Стенограммы выступлений его участников, приехавших с фронтов Великой Оте-е-твенной войны, из разных областей страны, ныне хранятся в ЦГАЛИ СССР. Сегодня в некотором сокращении мы предлагаем читателям «Литературной России» выступление на пленуме Всеволода Вишневского.

наши выступления: «Ну вот, пришли с пафосом, романтики, братишки...». Милые люди, говорившие так, не знали, не понимали значения этого слова, которое отметил Антон Павлович Чехов во время своего рейса на Дальний Восток, где он впервые услыхал это хорошее русское слово — брат, браток, братишка. И тогда я, в 1941 году, увидел, что без приказа, без импульса сверху стали многие этими братишками, которыми были их отцы. Я увидел, как первая морская бригада остановила германский механизированный корпус, когда немцы пошли против нас, раздетые до пояса, олимпийским широким шагом, - братишки дэли им чесу. Это было хорошо, это было так. Большей радости писатель ощущать не может

Βισοποθ Βυшнεвский: Τα πατατατατα потерял до 100 убитых писате-

Хочу вспомнить тяжело рухнувшего на землю раненого, пробитого одиннадцатью пулями Ставского. И последним движением этого человека было, когда он, умирая, ощутил, что попал в ловушку, порвать документы, чтобы они не попали врагу. Так и остались смятые документы в этих скрюченных пальцах...

Образ погибшего в связи с Севастопольской обороной Петрова. Образ Крымова, который, погибая, написал письмо жене, и это письмо, спустя два года с лишним, пришло в Москву. Образ Лапина, Хацревина...

Наша балтийская группа потеряла больше 50 процентсв... Эти писатели отдавали все силы борьбе...

Как дрались моряки за город Ленина! Немцы превосходили нас многократно. Их было несколько сот тысяч с лишним — кадровых обученных войск. Нас было меньше. Балтийский флот дал саои силы на берег, Тысячи матросов пошли в окопы. Это было трудно, потому что люди приходили: разрешите выйти в море, разрешите пойти на любой таранный удар. Когда летчик идет на таранный удар — гиб-

реались. Выла команда: коммунисты, комсомольцы — на левый борт, руками отталкивать немецкие мины. А немецкие плавучие мины нового образца — это очень серьезная штука, Одного их удара старые корабли не выдерживали... Коммунисты и комсомольцы — на левый борт отталкивать эти плавучие мины. Тут мимо шел транспорт из Таллина, они начали стрелять в одну мину. С трудом удалось убедить их, что это приводит к пложим результатам. И вот видим, плывет курсант-якорек.

Еидим — человеку трудно, он плывет с взорвавшегося корабля.

— Эй, дадим конец!

A он повернулся, посмотрел, увидел, еще одну мину.

— Отставить конец. Еще одна мина

И поплыя в темноту. И что с ним сделалось — не знаем. Должно быть, погиб.

Или подводная лодка... Последний отсек затоплен, Бульканье воды. И только в боковом отсеке остались трое людей, и, как у нас на флоте принято, по очереди должны спастись, Уговорились, обнялись, перекрестились; первый пошел нырнул, вынырнул. Минуты две проходит, Товарищи не выхосвою поэму Вера Инбер. Как смотрели на нее моряки... Когда она приехала на наш линкор, вот что сказали ребята:

— Вот наша мама. Это точно

человекі

Мы были благодарны за приезды, которые нас одушевляли, так как не хватало иногда литературного общения и информации. Приезжали из Союза писателей. Особенно запомнился мне приезд Александра Фадеева. Он рассказал много, шел в окопы и на корабли. Мы сидели с ним на одном посту на берегу Невы. Стреляли из немецких окопов. Посмотрели друг на друга: в чем дело, Саша? Так, по-человечески, и все стало ясно. Жизнь, жизнь...

Мы многое старались делать. Делали все, что в наших силах. Мы можем сказать, что «атмосфера» командованием была создана. И Военный Совет, и Политуправление, и Главное политуправление так говорили: «Вы что-нибудь задумали? Хотите два месяца, хотите 3—4—5—6? Работайте так, как нужно»...

Несколько слов о том, какив вопросы стоят перед нами. Нам надо как-то понять войну, понять момент перемены, эволюции, понять момент вечного. Горбатсв говорил, что эта война абсолютно непохожа на гражданскую... Но небо, на которое глядел Андрей Болконский, такое же, на какое глядели наши ленинградцы в осажденном Осквуч. Та же земля, те же реки, те же названия, которое прошло тысячелетия, с Киевской Руси и стало боевым.

Меня не раз охватывало чувство, что я это уже видел и чувствовал. Мы и в этом должны разобраться. Мы должны рассказать о войне, рассказать о русской советской стратегии, о том, как война эта выигрывается и выграна. Мы должны потрудиться много в научном и научно-теоретическом плане,

Мне хочется сказать, что нам нужно очень много уделить писательского внимания теме России. Мы должны спуститься в ни. чет народ в Надо ся в низы, узнать, чего хо-чет народ в результате этой войны. Надо послушать об этом. Нам хотелось бы, чтопослушать об бы Россия была первой страной в мире. Мы хотим, чтобы индустрия у нас была удвоена и утроена... Мы хотим видеть свою страну мощной и богатой. ... Мы хотим, чтобы русские товары вы зывали у людей восхищение. Мы хотим, чтобы русская сталь, русская кожа, русское сукно, русские материалы были лучшими. Мы хотим достичь во всех областях наивысших качественных показателей. И мы хотим решить эту задачу и будем ее решать после войны всем напряжением сил. Писатели должны об этом подумать, они должны будить эти мысли в людях, они должны услышать, что хотят люди после войны.

Наконец надо, подходя к этому вопросу, думать глубоко о роли партии, той партии, которая определила все наши успехи и победы; партии, которая за несколько десятилетий страну темную и отсталую вывела на первое место в мире; партии, которая вооружила людей, предупраждала их от ошибок: партии, которая дала людям свет и культуру; партии должны посвятить мы свои лучшие работы.

Народ, как показала эта война, сильный и здоровый телом и душой. Перед этим народом огромное будущее. О, деле народа, о его войне, о его будущем мы, писатели, будем писать и отдадим этому делу все свои силы.

Публикация научных сотрудникоз ЦГАЛИ СССР Сергея БЛИНОВА, Андрея ЗАИЦЕВА

«IOHAT b

MOMEHT

RETHOTO»

Идут решающие бои. Много пролито крови. Война еще не вырешена. Но силы народа, возможности народа таковы, что всюду мы уже видим. — как видим в феврале, марте пробуждение весны — пробуждение новых созидательных сил...

Наши войска форсировали Нарву, дерутся уже на эстонской территории. Задолго до этого удара в Ленинграде собирали музейных работников, собирали людей, умеющих реставрировать все ценное, собирали рабочихремонтников — это было выражением абсолютной веры в силы народа.

Послезавтра мы все расстанемся, вернемся на фронт добивать немцев - и в чем большем количестве, тем лучше, но мы собрались здесь говорить о самом главном, большом - о жизни и о всем том, что мы вы-несли из войны. Многое нами во время войны понято. иною лично, впервые за 26 лет, осмыслено слово «товарищ» -старинное русское киевское слово «товарищ», которое боль-шезики вызвали к жизни. Это значит человек гого рока, года, той судьбы - в фонетическом изменении это значит «товарощный», «товарищный». Ему около тысячи лет. И мы поняли значение этого слова. Люди одного года, одной судьбы, братья, любимые, дорогие...

В Ленинграде не было большей радости для меня, как развернуть газету, увидеть: вот — жизнь, вот — пишет. Мы делали там сводки: где наши писатели, где наш союз. Каждая строчка, написанная из Ташкента, с Урала, с моря, была для меня настоящей большой радостью. Рад, что тысячи человек работают в адмии и во флоте. Я особенно рад потому, что все, что приходилось видеть в жизни, в этих стенах, в нашей семье, с такой грибуны было посвящено войне, войне и еще раз войне, и это было движение ЛОКАФа, знамя труда, оправданное жизнью.

Не всегда нас понимали... Эстеты критически смотрели на

— ты был в жизни, ты был в деле, в бою, ты делал то, что надо.

Я рад, что наша работа, которая объединяла десятки и сотни писателей, которую мы начинали в доме на Невском, где мы применительно к будущим, вероятно, операциям, обучали ряд писателей, что эта работа дала известные результаты, и по мере приближения военной опасности заставила людей шире и шира, глубже и глубже заниматься военными проблемами.

Когда мы будем искать корни нашей победы, оценивать работу нашей интеллигенции, мы поймем, как Союз советских писателей правильно откликнулся на требования времени. преодолели трудности. Писатели армии и флота проделали огромную работу, которая не под-дается учету. Она еще будет собрана и изучена. Но если тысяча человек в гечение дзух с лишним лет — война идет бо-лее 900 дней — и если каждый день писалось по одной работе это, очевидно, будет миллион работ, ибо не представляю себе, что люди в армии и флоте мог ли истратить день даром. На Балтике каждый пишет каждый день. Трудно, но пишем, пишем, пишем — действуем. Если обстановка потребует, чтобы я писал стихи о том, как русские войска войдут в Берлин, я буду писать стихи и верю, что напишу,

Какой образ перед нами — писателями армии и флота? Это образ Пушкина. Сильный, светный образ человека, который, заметив врага, устремился в атаку, который стал драться с бенкендорфами, дубельтами, дантесами за свободу, за свой народ, за честь: образ человека, который, смертельно раненный, упал и, опираясь рукой о снег, заставил себя подняться и произвести выстрел.

Вот это русский человек, это писатель. Образ Пушкина был перед нами в Ленинграде. Такие люди перед нами стоят. Такие люди нас учат. Союз советских писателей создал такие примеры. Союз советских писателей

нут один-два, а у нас таранный удар — это будет покрепче. Людям приходилось доказывать необходимость борьбы в окопах. И они дрались... Так был защищен Ленинград от прорыва на Выборгской стороне, в тыл нам. Это сделали моряки, которые ударили в тыл врага на Белоострове.

Это то, что видели наши глаза, то, что записывали изо дня в день. Писатели вели эту работу.

Мне хотелось сказать еще об одной радости, которую оставила осада Ленинграда. Я говорю о поддержке «Правды». так, что связь оборвана, потеряна. И приходила по радио, или самолетами, или другим надежным путем весть от «Правды». Люди сбегались прочесть письмо Емельяна Ярославского, Поспе лова, Ильичева, «Правда» не молчала, не забывала нас, помогала нам. И когда люди, шатающиеся от усталости, покрытые фиолетовыми ленинградскими ми, люди, которые съели вещи, которые немыслимо было съесть, получали помощь от «Правды», это не забудется никогда. Таковы были люди, которые работали в газетах. Это люди, которые оставались до конца Когда один оставался в нетопленом помещении, он все-таки работал, потому что голодный \енинград поднимался: дай мне «Правду». И этот материал ние, какое он оказывал всегда с тех пор, как эта газета была создана Лениным.

Мне хочется сказать о флоте, о моряках нашей Балтийской группы. Флот работал сильно, прекрасно, всегда в боевом напряжении. Отдыхать не приходилось. Много финских и немецких кораблей отправлено на дно. Миллион тонн отправлено на дно нашими подводниками, торпедными катерами, нашей авиацией. Флот многое сделал. Люди флота поразительны,

Я скажу о нескольких людях Балтийского флота. Мы с 28 на 29 августа 1941 года продят. Этот человек верен своему долгу — нырнул обратно. Полез в подводную лодку через торпедный люк — смотрит, в чем дело: товарищи не идут. Ободрил, поговорил, затем двое помогли третьему — и все трое выплыли. Этих эпизодов тысячи.

Мы работали во флоте довольно крепкой группой. Работал у жас Л. Успенский, питерский писатель, который был на красной Горке и редактором, и секретарем, и праведчиком, и пулеметчиком и т. д. Николай Чуковский приносил все, что только можно было. Работал браун. Он трижды тонул. Его подобрали, он опять тонул, подобрали, гретий раз тонул, но выплыл, спасся и снова работал, и за работу ему у нас на балтике объявлена благодарность. Это поэт хороший, сильного голоса.

Анатолий Тарасенков — моподой критик. Каким он будет моряком — не знаю. Но я видел его в деле. Я проходил в 15 метрах, когда его корабль взорвался, и он в полной форме с оружием, с документами бросился за борт. Он плыл, не требуя помощи, и оказывал первую помощь женщинам, которых там было много. Он выплыл с документами, с аручвом, с партийным билетом, с оружием, пришел в кочегарку спасщего его корабля и стал на пост на том корабле, где он спасся,

Так ведут себя коммунисты, офицеры. Мы приняли его в свою семью.

Всеволод Азаров, Александр Штейн, Ефим Додин — так работала вся группа день за днем, десятидневкой. Надо было видеть всех пюдей, которые были рядом.

Особенно я хотел сказать о Вере Инбер. Она приехала в тот момент, когда замыкалось кольцо вокруг Ленинграда. Ей было трудно... В 1941 — 1942 годах назло врагу, в морду Гитлеру мы созвали литературную конференцию. На нее люди полэли часами. Это была, собственно, не литературная конференция, а медицинская. На ней выступали люди, и читала